

МИФ, ставший фактом

Мой друг Коринеус выдвинул предположение, что никто из нас не является христианином. Согласно его точке зрения историческое христианство — это что-то архаическое, во что ни один современный человек в принципе поверить не может. А те современники, которые верят, в реальности просто-напросто следуют современному мировоззрению, сохраняющему терминологию и унаследованные от христианства эмоции, но втихую отбросившему его основные доктрины. Коринеус сравнил современное христианство с английской монархией: форма сохранилась, реальное же правление отброшено.

Я считаю, что такие размышления ошибочны, и их придерживаются всего лишь несколько «современных» теологов, которых, по милости Божьей, с каждым днем становится все меньше. Но предположим на мгновение, что Коринеус прав. Притворимся на секунду, хотя бы ради дискуссии, что *все*, называющиеся сегодня христианами, отвергли исторические доктрины. Предположим, что современное «христианство» представляет собой систему имен, ритуалов, формул и метафор, которые сохранились неизменно, в то время, как стоящая за ними система доктрин — изменилась. В таком случае, Коринеус должен *объяснить* эту неизменяемость.

Почему, как полагает Коринеус, все эти образованные и просвещенные псевдо-христиане настойчиво выражают свои самые глубинные мысли в терминах архаической мифологии, которая должна мешать и препятствовать им на каждом шагу? Почему они отказываются перерезать пуповину, соединяющую живого, здорового ребенка с агонизирующей матерью? Ведь

Источник: C.S. Lewis. "Myth became fact." in Walter Hooper (ed.) *God In the dock. Essays on theology and ethics.* (Grand Rapids: Eerdmans, 1970). Pp. 63-68.

если Коринеус прав, это должно бы принести им несказанное облегчение. Странно, что даже те, кого более всего оскорбляет толстый осадочный слой «варварского» христианства, мысленно противятся, попроси вы их вовсе отказаться от него. Они скорее натянут пуповину до предела, но обрезать ее откажутся. Иногда они готовы идти как угодно далеко, но последнего шага не делают.

Если бы все исповедующие христианство были священнослужителями, можно было бы легко (хоть и не милосердно) заявить, что их благосостояние зависит от *не* совершения последнего шага. Даже если это истинная причина их поведения, если все церковнослужители — ментальные протестанты, проповедующие за плату (и обычно за мизерную) то, что тайно считают ложью, то такое широко распространенное помрачение совести тысяч людей, не замеченных в других преступлениях, само по себе требовало бы объяснений. Конечно, исповедание христианства не ограничено только священнослужителями. Его исповедуют миллионы женщин и обычных мирян, получающих взамен презрение, непопулярность, подозрительность и враждебность от собственных семей. Как мы дошли до такого положения вещей?

Такое противление вызывает интерес. «Почему бы не перерезать пуповину?», — спрашивает Коринеус. «Все было бы намного легче, освободи вы свое мышление от этой остаточной мифологии». Несомненно, намного легче. Жизнь матери ребенка-инвалида стала бы гораздо легче, отдай она его в специализированное учреждение и усынови чужого здорового ребенка. Жизнь мужчины стала бы гораздо легче, откажись он от женщины, которую когда-то полюбил, и возьми он в жены другую, потому что она более подходит. Единственный недостаток здорового ребенка и более подходящей женщины в том, что они лишают нашего пациента единственного повода вообще беспокоиться о ребенке или жене. «Насколько было бы разумнее, если бы во время бала танцы были заменены серьезной беседой», говорит мисс Бингли в романе Джейн Остин. «Конечно, разумнее, дорогая, — отвечает мистер Бингли, — Но, осмелюсь сказать, это вряд ли было бы похоже на бал».^[1]

Следуя такой логике, было бы разумно отменить английскую монархию. Но как, если тем самым мы отбрасываем самый важный элемент нашего государства? Как, если монархия — это канал, сообщающий все *жизненно необходимые* элементы гражданской жизни — преданность, освящение светской жизни, иерархический принцип, величие, обрядовость, преемственность — по-прежнему просачиваются, чтобы орошать пыльные бури современной экономической системы управления государством?

Подлинный ответ «модерного» христианства на заявления Коринеуса будет таким же. Даже допустив (с чем я никогда не соглашусь), что доктрины исторического христианства — просто мифы, именно миф является жиз-

^[1] Гордость и Предубеждения, гл. xi

ненно важным и живительным элементом данной проблемы. Коринеус хочет, чтобы мы шли в ногу со временем. Но мы-то, знаем, куда идет время. Оно просто отходит в *небытие*. Но в религии мы находим то, что никогда не отойдет. Коринеус называет это неизменное мифом, а уходит в небытие как раз то, что называется современной и живой мыслью. Не только мысли теологов, но и антитеологов. Где предшественники Коринеуса? Где эпикурейство Лукреция,^[2] языческое возрождение Юлиана Отступника?^[3] Где гностики, где монизм Аверроэса,^[4] деизм Вольтера, догматический материализм великих викторианцев? Все они шли в ногу со своим временем. А то, против чего все они выступали, все еще живо и здравствует, и даже Коринеус продолжает нападать на него. Миф (если говорить его словами) пережил мысли всех своих защитников и противников. Именно миф дает жизнь. Те элементы, которые Коринеус считает наносными даже в современном христианстве, отображают саму сущность: а то, что он считает «подлинным современным верованием», — всего лишь тень.

Чтобы объяснить это, нам следует пристальней взглянуть на миф в целом, и на этот миф в частности. Человеческий интеллект безнадежно абстрактен. Тип успешного мышления — чистая математика. Однако мы переживаем только конкретную реальность: эта боль, это удовольствие, эта собака, этот человек. Любя этого человека, преодолевая эту боль, испытывая это удовольствие, мы не можем воспринимать интеллект абстрактное Удовольствие, Боль или Личность. Когда же мы воспринимаем абстрактно, конкретные реалии снижаются до уровня частных случаев или примеров: мы имеем дело не с ними, а с тем, что они иллюстрируют. В этом наша дилемма: попробовать на вкус, и не познавать, либо познавать умом, но не пробовать на вкус; строго говоря, теряем один вид знания из-за опыта переживания, или, познавая, находимся вне этого самого переживания. Как мыслители, мы отрезаны от того, о чем думаем; вкушая, прикасаясь, проявляя волевое решение, любя, ненавидя, мы не способны ясно понимать. Чем яснее мы думаем, тем больше удалены, чем глубже мы погружены в реальность, тем меньше думаем. Вы не можете *изучать* Удовольствие в момент брачных объятий, или покаяние во время исповеди, анализировать характер юмора, хохоча над чем-то. Когда же еще вы действительно можете познавать это? «Если бы у меня перестал болеть зуб, я бы написал еще одну главу о Боли». Но что я знаю о боли, когда она проходит?

232 Миф — это частичное решение данной трагической дилеммы. Наслаждаясь великим мифом, мы приближаемся к конкретному переживанию того, что может быть иначе понято как абстракция. Например, сейчас я пытаюсь понять нечто очень абстрактное — затухание, исчезновение ощущаемой реальности, в ходе попыток понять ее рассудком. Возможно, я слишком беспокоюсь об этом. Но если вместо этого я напомним вам об Орфее и

^[2] Тит Лукреций Кар (99–55 до Р.Х.), римский поэт.

^[3] Римский император, 361–363 по Р.Х.

^[4] Аверроэс из Кордовы (1126–98) верил, что существует только один разум к которому «причастны» все люди, тем самым, исключая личное бессмертие.

Эвридике, в каких муках он вел ее за руку, а когда обернулся чтобы посмотреть на нее — она исчезла, то, что было принципом, вдруг стало лишь воображением. Вы можете ответить, что до этого момента никогда не видели в этом мифе такое «значение». Конечно же, не видели! Вы вообще не ищите абстрактное «значение». Если бы вы искали, миф был бы для вас не истинным мифом, а просто-напросто аллегорией. Вы бы не познавали, а пробовали на вкус, но то, что вы пробовали, становилось бы универсальным принципом. Как только мы *утверждаем* этот принцип, то снова возвращаемся в мир абстракций. Только принимая миф как рассказ, вы переживаете принцип конкретно.

Переводя, мы получаем абстракцию, или, точнее, — десятки абстракций. Изливающееся в вас из мифа, является не истиной, но реальностью (истина всегда *о* чем-то, а реальность — это то, *о чем* говорит истина) и, следовательно, каждый миф порождает множество истин на абстрактном уровне. Миф — это гора, с которой стекают различные ручейки, становящиеся истиной тут, в долине; *in hac valle abstractionis*.^[5] Или, если угодно, миф — это перешеек, соединяющий полуостров мира мыслей с огромным континентом, к которому мы принадлежим. Он не абстрактен, подобно истине; и не непосредственен как опыт, привязанный к чему-то конкретному.

Далее, как миф превосходит мышление, так Воплощение превосходит миф. Суть христианства — это миф, который одновременно является фактом. Старый миф об Умирающем Боге, *не переставая быть мифом*, сходит с небес легенд и воображения на землю истории. Он *происходит* в определенный день, в конкретном месте, у него есть определяемые исторические последствия. Мы переходим от Бальдра или Осириса, смерть которых происходит неизвестно когда и где, к исторической Личности, распятой (все по порядку) *при Понтии Пилате*. Став фактом, это не перестает быть мифом — это и есть чудо. Я подозреваю, что люди черпали больше духовной пищи из мифов, в которые они не верили, чем из открыто исповедуемой ими религии. Чтобы быть настоящими христианами, мы должны одновременно согласиться с историческим фактом и принять миф (то есть факт, ставший мифом) с такой же силой воображения, которое мы придаем всем мифам.

Тот, кто разуверился в христианской истории как факте, но постоянно питается ею как мифом, будет, пожалуй, более живым духовно, чем тот, кто согласился с фактом и не много думал о нем. Модерниста — крайнего модерниста, неверующего во всем, кроме имени — не нужно называть глупцом или лицемером только потому, что он упорно придерживается, даже в своем интеллектуальном атеизме, языка, обряда, таинства и христианского повествования. Возможно этот бедолага цепляется (до конца не

^[5] «В этой долине разделения»

^[6] Альфред Луази (Alfred Loisy 1857–1940), французский теолог и основатель Модернистского Движения.

осознавая мудрости своих действий) за то, что составляет его жизнь. Было бы лучше, останься Луази¹⁶¹ христианином: очищение его мышления от остаточных христианских элементов – не обязательно лучший вариант.

Действительно достойны сожаления те, кто не знают, что этот великий миф стал Фактом, когда Дева зачала. Христианам необходимо напомнить (и мы можем поблагодарить Коринеуса за это напоминание), что ставшее Фактом было Мифом, что он несет с собой в мир фактов все свойства мифа. Бог больше просто бога, не меньше; Христос выше Бальдра, не ниже. Нам не следует стыдиться мифического сияния, почившего на нашей теологии. Не следует нервничать в связи с «параллелями» и «языческими Христами»: они *должны* присутствовать, напротив, камнем преткновения стало бы их отсутствие. Не стоит, следуя ложному пониманию духовности, удерживать свое воображение. Если Бог решает стать мифопоэтичным – не миф ли само понятие неба? – как мы можем отказаться быть *мифопатичными*? Вот это и есть брак неба и земли: Совершенный Миф и Совершенный Факт, претендующий не только на нашу любовь и послушание, но и на заинтересованность и восторг. Он обращен к дикарю, ребенку и поэту в каждом из нас не менее чем к моралисту, ученому или философу.

Перевод: А. Денисенко
под редакцией А. Гейченко.